

Владимир Иванович Шишкин
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН
Новосибирск, Россия

Превентивные меры НКВД по укреплению советского тыла (август 1941 г. – май 1943 г.)

История Великой Отечественной войны, являвшейся событием эпохального характера, в силу своих масштабов, продолжительности и многомиллионного количества ее акторов, по-прежнему таит в себе немало противоречивого, неизвестного и даже загадочного, вызывающего острые дискуссии как в кругу профессиональных историков, так и в любительской аудитории.

Разногласия среди исследователей в знаниях о Великой Отечественной войне имеют разные причины и природу. В значительной мере они детерминированы наличием, состоянием и доступностью источниковой базы. Приведу только один элементарный пример, который большинству историков хорошо известен и всем понятен. Речь идет о так называемых без вести пропавших. В годы войны семьи десятков тысяч солдат и офицеров Красной армии получили извещения, содержавшие такую формулировку. Она оставляла у его родных надежду на то, что человек еще жив, но обрекало родственников на неизвестность относительно того, где он, что с ним и т. д. Сведения о том, что случилось с моим родным дядей П. В. Ильиным, пропавшим без вести в декабре 1941 г. под Москвой, я нашел только около трех лет тому назад. А вот вся его более близкая родня: сестры и брат, жена, сын – так и не узнали, что с ним случилось.

Значительное количество фактов времен Великой Отечественной войны, особенно об органах разведки и контрразведки, в силу специфики их деятельности не должно было получить и не нашло отражение в источниках. Еще большее количество фактов о войне изначально фиксировалось в документах, которые содержали грифы разной степени секретности. Такие документы находились и в значительной мере продолжают до настоящего времени оставаться на условиях секретного, государственного или ведомственного, хранения и почти не доступны исследователям. Последние три десятка лет в России с большим трудом, медленно и непоследовательно осуществлялось рассекречивание части этих документов. У некоторых исследователей даже сложилось мнение, имеющее под собой некоторое основание, что процесс рассекречивания сознательно тормозится частью сотрудников архивной службы¹.

По мере того как архивы начали переводить имеющиеся у них документы на открытый режим хранения и приоткрывать доступ к их сокровищам исследователям, стали появляться публикации на ранее табуированные темы о Великой Отечественной войне. Пока наибольшее внимание историков, публицистов и краеведов привлекает наиболее тяжелый и драматичный для СССР начальный период войны. В качестве примера такого рода изданий нельзя не назвать книгу широко известного журналиста, публициста и писателя Л. М. Млечина, написавшего о том, как претворялся в жизнь приказ Государственного комитета обороны № 801/сс от 15 октября 1941 г. «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы»².

Хотелось бы отметить монографии, в которых рассматривается проблема строительства летом 1941 г. – зимой 1942 г. внутренних оборонительных рубежей и укрепленных районов. Выход в свет этих публикаций позволил установить, где, кем и как эти оборонительные рубежи и укрепрайоны создавались. Тем самым удалось выяснить, что наряду с оборонительными рубежами западнее Москвы, предназначенными для защиты столицы от фашистов, создавались еще несколько фортификационных оборонительных сооружений на Оке, Дону и Волге восточнее Москвы. В случае неудачного для Красной армии хода военных действия эти новые оборонительные рубежи должны были способствовать защите городов Горький, Казань, Куйбышев, Пенза, Саратов, Сталинград и Ульяновск. На возведение этих сооружений, составлявших Волжский (или Волжско-Сурский) оборонительный рубеж общей протяженностью около 865 км, на несколько месяцев было мобилизовано несколько сотен тысяч людей, в основном женщин, колхозников и учащейся молодежи³.

Названные книги дают дополнительную информацию для вывода о том, что осенью 1941 г. ситуация на советско-германском фронте для Красной армии была настолько критической, что советское руководство не исключало того, что гитлеровцы могут захватить Москву. В пользу последней гипотезы свидетельствует не только перенесение большинства центральных органов государственной власти и управления (Совнаркома, Президиума Верховного совета, Наркомата обороны и Генерального штаба) в Куйбышев и Арзамас, оборудование в этих городах помещений для Ставки Верховного главнокомандования и Генерального штаба, но и мероприятия, которые заблаговременно подготавливал на этот случай Народный комиссариат внутренних дел СССР.

В частности, в одном из документов из архива И. В. Сталина удалось обнаружить сведения о том, что в августе 1941 г. по предложению НКВД в Москве была организована боевая диверсионная группа в составе 11 человек. Начальником группы был П. М. Никифоров, членами – А. А. Воронин, Ф. И. Дриго, С. А. Новоселов,

Г. Т. Перевозчиков, Н. М. Матвеев, Г. Т. Петров, Н. А. Седиков, О. А. Колоскова, К. И. Шмитман и Е. Ф. Крамчанонова. Начальник группы Пётр Михайлович Никифоров являлся профессиональным революционером, большевиком с 1904 г. До революции неоднократно подвергался арестам, сидел в тюрьмах, совершал побег. В 1910 г. был приговорен к смертной казни, замененной 20-летней каторгой. После октябрьского переворота 1917 г. возглавлял Владивостокский совет. Во время существования Дальневосточной республики около полутора лет возглавлял ее Совет министров, затем работал в Москве на руководящих должностях.

Все остальные члены группы были старыми коммунистами, в том числе некоторые занимались подпольной работой до революции 1917 г. и во время гражданской войны. В августе группа перешла на нелегальное положение, а членов ее семей НКВД эвакуировало из столицы. Группе выделили большое количество боевых средств. В ее задачу входило в случае, если фашисты войдут в столицу, наносить захватчикам удары изнутри.

Совершенно очевидно, что решение о создании диверсионной группы П. М. Никифорова не было делом хоть и могущественного, но только одного ведомства. Безусловно, эта мера получила одобрение высшего партийного руководства или Государственного комитета обороны. Нельзя исключать того, что названная группа была не единственной, а с аналогичными целями НКВД создал и другие ячейки.

Вся названная группа находилась на нелегальном положении в Москве до конца мая 1942 г., а примерно половина ее – до ноября 1942 г. В мае 1942 г. по решению Организационного бюро ЦК ВКП(б) шесть членов группы во главе с П. М. Никифоровым получили новое особое задание и выехали на Дальний Восток. Им предстояло, по словам П. М. Никифорова, подготовить на Дальнем Востоке партизанское движение «на случай выступления соседней державы против СССР».

В литературе по истории Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны никаких сведений о деятельности группы П. М. Никифорова не приводится⁴. Судя по всему, дальневосточные коллеги не располагают соответствующей информацией. Между тем группа П. М. Никифорова работала в Приморском и Хабаровском краях, в Читинской области и в Бурят-Монгольской АССР довольно долго, примерно восемь месяцев. Результатами ее деятельности стало создание в труднодоступной таежной местности почти двух сотен продовольственных баз за счет средств колхозов и хозяйственных организаций и формирование почти четырех сотен партизанских отрядов. Каждый отряд имел командира из партизан, прошедших обучение на командных курсах, а в качестве ядра – коммунистов и старых партизан (см. *таблицу*).

Район	Баз	Отрядов	Бойцов	Коммунистов	Партизан
Приморский край	87	100	4072	818	694
Хабаровский край	52	182	6670	2434	862
Читинская область	30	60	2300	450	300
Бурят-Монгольская АССР	32	50	1664	405	149
Всего	191	392	14706	4119	1945

В феврале 1943 г. группа П. М. Никифорова завершила выполнение поставленного перед ней задания, вернулась в Москву и по предложению НКВД была распущена⁵. Некоторое время спустя П. М. Никифоров осмелился обратиться лично к И. В. Сталину с письмом, в котором ходатайствовал о награждении членов группы правительственными наградами. 25 мая письмо П. М. Никифорова поступило и было зарегистрировано в Особом секторе ЦК ВКП(б). На документе имеются пометы, свидетельствующие о том, что с его содержанием, скорее всего, ознакомились начальник Особого сектора А. Н. Поскребышев и нарком внутренних дел Л. П. Берия. Никаких наград члены группы П. М. Никифорова не получили, но и никаким репрессиям не подверглись.

Оба мероприятия, которые проводились по линии НКВД, никак не сказались на ходе Великой Отечественной войны. В итоге они оказались «холостым выстрелом» и едва ли могли быть поставлены кому-то в заслугу или в вину. Однако они свидетельствовали о том, что ведомство внутренних дел вело себя активно и пыталось работать на опережение.

¹ См., например: Огрызко В. В. Архивный беспредел: Победима ли архивная мафия? – М.: Литературная Россия, 2019. – 360 с.

² Млечин Л.М. Один день без Сталина. Москва в октябре 41-го года. – Л.-М.: Центрполиграф, 2012. – 384 с.

³ Кошкина О.А. Оборонительный рубеж на территории Марийской АССР в 1941 году. – Йошкар-Ола: Марийский НИИЯЛИ, 2013. – 228 с.; строительство оборонительных укреплений в Павловском районе 1941–1942 гг. – Богородск: Вариант, 2015. – 105 с.; Кабирова А.Ш., Кривоножкина Е.Г., Бушуев А.С. Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Казань, 2016. – 247 с.

⁴ Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Хабаровск, 2013. – 340 с.; История Дальнего Востока России. Т. 3, кн. 3: Дальний Восток СССР. 1941–1945 гг. – Владивосток: Дальнаука, 2020. – 944 с.

⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 885. Лл. 22–23.